

А

Буланин Д. М. Буслаев Федор Иванович // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Т. 1. А-В. - 1995. - С. 167-170.

<http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es1/es1-1671.htm>

БУСЛАЕВ Федор Иванович (13(25).IV.1818, г. Керенск (ныне г. Вадинск) Пензен. губ. - 31.VII. (12.VIII).1897, пос. Люблино Моск. губ.) - лингвист, историк лит-ры и искусства. Ок. словесный ф-т Моск. ун-та (1838), после чего назначен преподавателем во 2-ю Моск. гимназию; затем служил в 3-й гимназии. Университетская карьера начинается с 1842, когда Б. был прикомандирован к профессорам И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву, с янв. 1847 начал читать лекции, с 1848 - адъюнкт, затем экстраординарный проф. (1850), ординарный проф. (1859), засл. проф. (1873); чл.-корр. имп. АН (1852), акад. (1860). Магистерская дис. "О влиянии христианства на славянский язык" (1848), докт. степень получил за "Исторические очерки русской народной словесности и искусства" (1861, т. 1-2).

Как ученого Б. отличает не только разнообразие исслед. интересов (языкознание, словесность, искусствоведение), но и эстетич. одаренность; его труды замечательны стилистич. совершенством. Наиболее значительные из них собраны в отдельные книги - помимо "Исторических очерков" это "Мои досуги" (1886, т. 1-2) и "Народная поэзия" (1887); посмертно вышли 3 т. соч. Б. (1908-30; во 2-м т. перепечатан 2-й же т. "Исторических очерков"). Эстетич. интуиция позволила ученому преодолеть крайности мифол. теории, последователем которой он оставался всю жизнь, хотя учитывал достижения представителей др. академич. школ и даже критиковал чрезмерные увлечения мифол. толкованиями. Пытаясь вслед за Я. Гриммом обнаружить в яз. и памятниках словесного и изобразит. искусства отражение нар. духа, Б. преимущественно интересовался сюжетами и текстами, не соответствующими общему церковно-назидат. характеру средневековой культуры. Этот подход, позволявший исследователю более дифференцированно взглянуть на слав. письменность, зачастую приводил к переоценке нехристианских в ней элементов.

В поисках народно-поэтич. наследия, понимаемого главным образом как нецерковное, Б. не мог пренебречь показаниями С., к которому он возвращался на протяжении всего своего творч. пути. Уже в первой заметке, посвящ. этому произведению, ученый намечает свойственный ему в дальнейшем путь интерпретации С. - посредством сравнения его с памятниками фольклора и выявления в них остатков мифол. преданий: упоминаемый С. Троян сопоставляется с героем серб. сказки - царем Трояном, боявшимся солнца, причем оба Трояна возводятся к общему эпич. циклу (на своем толковании Б. настаивал и позднее, когда спорил с Н. С. Тихонравовым, считавшим, что Троян поставлен в С. по ошибке на место Бояна). Б. критикует работу Д. Дубенского за то, что тот не пытался раскрыть "внутреннего содержания" С., определяющегося отношением автора к язычеству древних славян. В лекциях наследнику престола Николаю Александровичу Б. проводил мысль, что вся древняя поэзия развивалась в процессе конкуренции церковной и светской культур.

Наиболее полно взгляды Б. на С. выражены в статье "Русская поэзия XI и начала XII века", цель ее - восполнить пробел в истории древнерус. лит-ры, которую неоправданно ограничивали только прозой. Представление о древней поэзии, по мысли автора, может дать то немногое, что сообщает С. о Бояне. Прежде всего, указывает Б., эпос Бояна - это уже эпос исторический, герои-полубоги уступили в нем место рус. князьям и их усобицам. Вместе с тем само существо нар. поэзии не позволило древнему певцу отрешиться от мифол. представлений, которыми пронизаны его творения; для сочинителя же С. многое из того, что он заимствовал у своего предшественника, уже было непонятно. Б. пытается вычленить из произведения XII в. фрагменты, составленные "по замыслу Бояню", которые свидетельствуют о высокой поэтич. культуре того времени. По его мнению, Боян не мог быть единственным древнерус. певцом XI-XII вв. - "знаменитое имя Бояна покрывало собою целую толпу неизвестных певцов".

Считая, что яз. сохранил следы древних мифол. взглядов, общих индоевроп. народам, Б. то и дело обращается за материалом для сопоставлений к лексике и образам С.; многочисленные выписки отсюда включены уже в первые его монографии - "О преподавании отечественного языка" и "О влиянии христианства на славянский язык"; параллели к отдельным выражениям С. из лит. и фольклорных источников рассеяны и в др. публикациях Б. Черты сходства С. и малорос. песен, с которыми охотнее всего сравнивал древнюю поэму Б., заставляли его думать о южном ее происхождении; позднее, ближе познакомившись с богатырским эпосом (в основном по изд. П. Н. Рыбникова и П. В. Киреевского), он уже полагал, "что на поэтическое наследство этого памятника имеет такое же право и поэзия великорусская". В разборе книги В. В. Стасова, объявившего былины заимствованием с Востока, Б. отстаивал их нац. своеобразие, акцентируя внимание на связях нар. эпоса с худ. системой С.

Велик вклад Б. и в популяризацию С.: образец учебного разбора С. с использованием перевода Н. М. Карамзина дан в его книге "О преподавании отечественного языка", а позднее Б. включил С. в две